

Николай ФОТЬЕВ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ОЧЕРК

ОПЯТЬ еду по знакомым местам. Много перемен, и я не знаю, удивляться им или принимать, как должное. Лучше, пожалуй, как должное. Прошло десять лет — очень важных лет. Жизнь не стоит на месте. То, что было в зародыше, стало большим, что доживало свой век, уходит или уже ушло, уступив место новому...

Но какой бы ни была жизнь, пусть даже самая благополучная, нам никогда не лишне соизмерять и оценивать все, что было, есть и видится впереди. Опыт и здравый смысл учат нас не забывать, как достигались победы и по каким причинам случались неудачи.

Осенью 1959 года один из моих тогдашних коллег, ученый зоотехник, выпускник Благовещенского сельхозинститута, упрасивал меня поменяться с ним местом работы. По семейным обстоятельствам ему было удобнее работать в Благовещенском районе, в самом Благовещенске, в райсельхозинспекции, которая здесь располагалась. А мне, по его мнению, было все равно.

Мне, однако, было не все равно. Все-таки это был мой район, моя зона деятельности. Тут я попривык, знал все пути-дороги и людей, с которыми встречался по работе. Правда, мой район никогда не ставили в пример. В нем не было ни одного показательного хозяйства, урожаи получали невысокие, а надои и привесы низкие, долги перед государством были немалые.

Но люди работали. Многие работали так, что и по теперешним оценкам им следовало бы дать награды. Многие и тогда понимали, что кое-какие методы руководства сельским хозяйством устарели и превратились, по существу, в те самые гири,

которые мешают двигаться вперед. Уже тогда зрели семена, которые теперь приносят отрадные плоды, отрадные перемены. Нужен был научный подход к решению сельскохозяйственных задач, нужно было дать простор инициативе, творчеству, полезному опыту. Нужно было больше взаимного доверия.

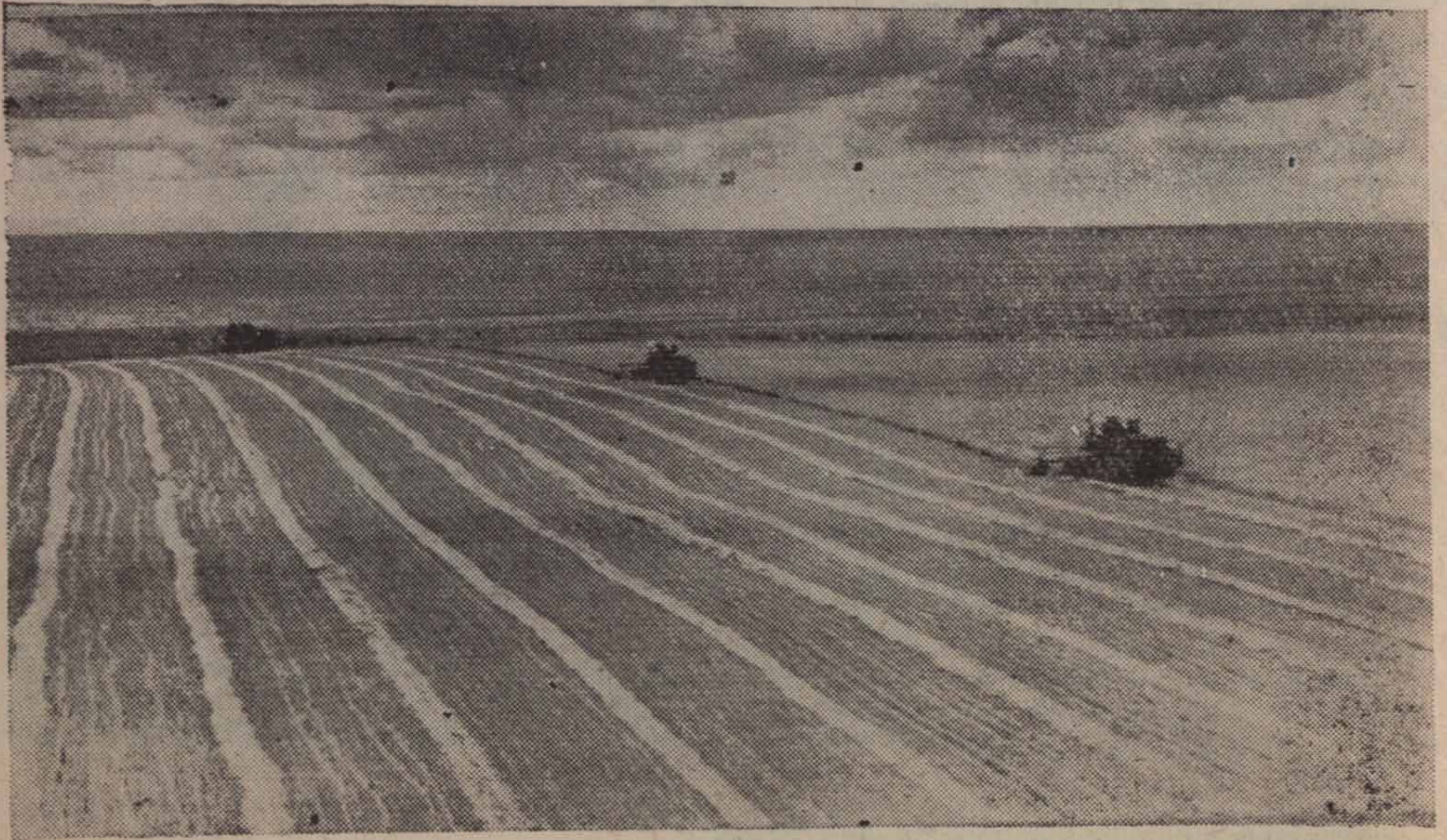
Мы, тогдашние специалисты сельского хозяйства, сознавали, что порою занимаемся не тем, что можем и чему нас учили. Некогда было заниматься научной организацией труда, исследованием, экспериментированием, чисто агрономическими и зоотехническими делами. Многие превратились в уполномоченных по разного рода кампаниям, другие занимались экспедиторской работой, добывая в пожарном порядке то одно, то другое, без чего в хозяйстве никак нельзя обойтись, третьи — по положению старшие и главные — месяцами были прикованы к столам, составляя бесконечные «новые» планы. Давались жесткие сроки на разработку плана, где требовалось учесть «последние указания». Тысячи цифр, рожденных в многосложных расчетах, перегонялись из одного места в другое. Частенько мы, что называется, отрубали один конец и приставляли отрубленное к другому месту. От такого «планирования» мало что прибавлялось. Бывало, говорили: сами создаем трудности, а потом их героически преодолеваем.

Мой коллега — человек, не лишенный юмора и здравого смысла, — уговаривая меня, все подшучивал:

— Вы тут скоро плесенью покроетесь на этих бумагах! Вы же своим делом не занимаетесь. А у нас бумаг меньше.

— Почему это у вас меньше, а у нас больше?

— Потому, что вы в самом областном

Уборка зерновых на полях колхоза «Родина»

Фото Ф. Дунаевского.

центре сидите. Чуть что — вы под рукой. Вас первых трясут, вы на глазах. А мы подальше.

Что правда, то правда. Наша инспекция была рядом с сельхозуправлением и другими опекающими нас организациями. И совещаний, заседаний и «накачек» у нас было больше, чем в глубинных районах.

— И народ у вас ушлый, — допекал он.

И это было. Народ у нас был несколько избалован близостью к городу. Иные жили в колхозе, а работали в городе. В колхозе подсобное хозяйство, а в городе денежные заработки. Кто работал в колхозе, бывало, больше надеялись на базар, чем на заработанные трудовни.

— И «шеф» у тебя того...

Под этим «того» следовало понимать, что мой «шеф» чрезмерно любил начальствовать. Он был молод, энергичен, сам не знал покоя, не давал его и другим; мнение того, кто был ниже по чину, в расчет не принимал.

— И квартира у тебя махонькая. Ну что это за квартира?! И транспорта у тебя нету...

Все правда. Жил я тогда в каморке да еще с матерью и сестренкой. И транспорта у меня не было. На попутных мотался по колхозам.

Еще и еще выдвигал мой коллега доводы, не лишённые убедительности. В колхозах Константиновского района, где он работал, будто бы даже имелись на счетах свободные деньги, и если требовалось провести какое-нибудь хорошее мероприятие, то председатели располагали полной возможностью для этого.

— Понимаешь, — признался он наконец, — семейная жизнь рушится. Жена. Двое детей. Я там живу, а она тут, в городе, и ехать ко мне ни за что не хочет. Квартира тут у нас хорошая, из трех комнат, паровое отопление. Так что мне и квартиру хлопотать не пришлось бы...

Вот так-то и очутился я в Константиновском районе. Это типично степной район Приамурья. Земли многих его колхозов прилегают непосредственно к Амуру, то есть к государственной границе с Китаем. Раньше, до укрупнения, было в районе четырнадцать колхозов, теперь девять колхозов и совхоз. В каждом колхозе — 7—10 тысяч гектаров пашни. В совхозе значительно больше.

Не сразу я привык к степным пейзажам. В Благовещенском районе, где я работал четыре года, были и дубовые леса, и сопки. Здесь же все было распахано.

Зато сразу почувствовалась разница в экономическом положении колхозов и в том, как люди хозяйствовали. Перелетных людей здесь было меньше, на базар ездили реже. Текучка была, но не такая, как близ города. Председателей не дергали столь часто, как пригородных, и не меняли. В Благовещенском районе за время моей работы в каждом из семнадцати хозяйств сменилось их по два и по три. Здесь, как мне сказали, сменилось лишь несколько, да и то с приходом тридцатитысячников.

Естественно, мне хотелось разобраться и понять, в чем причина такой разницы. Тогда еще не принято было ставить на первое место экономические стимулы, материальную заинтересованность и прочее,

без чего сейчас было бы немыслимо повышать производительность труда. А дело-то заключалось как раз в этом. Район был глубинный, степной, с устоявшимися кадрами. Земли тут были хорошие, урожаи выше, чем в Благовещенском районе; на трудодень колхозники получали больше. В некоторых хозяйствах начали переходить на денежную оплату труда.

И вот ездю я по колхозам и вижу: работают люди охотнее и с лучшим отношением к делу. И доброты в людях и веселья побольше. Как тут было не вспомнить старую крестьянскую поговорку: «Середка сыта и края играют». Правда, далеко не так сыта была «середка» и не так «края» играли, как, скажем, сейчас, но контраст был заметный. Да и в самих председателях, чей хлеб нелегко и теперь, было что-то другое. Они держались естественней, человечней, уверенней, с шуткой-прибауткой. Не было в них той понурой заезженности, которую часто я видел у председателей захудалых колхозов. Помню, на одного из них жаловался областной зоотехник по племенному делу. Не серьезный, мол, человек. Это был Юрий Назарович Кривенко, председатель колхоза «Знамя Ленина», большой шутник. В несерьезности, однако, его никак не обвинишь. Человек он умный и добрый да еще со своим особым юмором. Он и ныне благополучно председательствует и пользуется большим уважением односельчан. Все у него как-то с шуткой получается. А колхоз крепнет, и село хорошеет. Сейчас село Семидомка, где живет Юрий Назарович, выглядит очень нарядно и прибранно, даже щеголевато. Новые домики, ровные, хорошо оканавленные улочки, палисадники, легкий, на городской манер штакетник вдоль улиц и улочек. О таких селах говорят: «как игрушка». И это верный признак хорошо налаженной жизни.

Ну, а тогда, десять лет назад, когда я приехал работать в район, очень многое из того, что имеется сейчас, предстояло еще совершить.

...Итак, прошло десять лет, и я снова еду в Константиновский район. Еду я в этот раз не на попутных и даже не на автобусе, большое число которых снует сейчас во всех направлениях, а на «Ракете», вниз по Амуру-батюшке.

Не зная точно, когда отправляется «Ракета», утром на пристань я пришел пораньше. Оказалось, что у меня в запасе еще целый час. Сходил в киоск, закупил газет, уселся на бетонном парапете и то читаю, то наблюдаю, как ранние рыболовы вытаскивают из воды чебаков и пескариков. В большинстве это ребяташки. Они рыбачат и заодно загорают. Их облупленные носы свидетельствуют о том, что ребята живут в большой дружбе с солнцем, воздухом и водой.

Отсюда хорошо видны Усть-Зейские створы и живописные изгибы бетонной набережной Благовещенска, протянувшейся уже на несколько километров; видны похожие на гигантских птиц подземные краны грузового порта. Два плавающих крана стоят среди Амура, лязгают ковшами, грохочут лебедками, пыhtят, стравливая пар. А дальше за набережной видны новые высокие здания и многочисленные краны новостроек. Пограничный город спокоен. Он работает, строится, хорошеет.

Напротив Благовещенска — китайский город Хэйхэ.

В добрый путь, „Страна Советов“!

К 40-летию перелета
Москва—Нью-Йорк

Помнятся теплые, светлые осенние дни. Величаво поблескивал зеркальной гладью могучий Амур. А у песчаного берега слегка покачивалась на огромных поплавках гигантская стальная птица. По обеим сторонам ее фюзеляжа надписи: «Осоавиахим СССР», а чуть ниже крупно: «Страна Советов». Тысячи хабаровчан с любопытством разглядывали диковинный самолет.

Но вот заработали моторы. Ударили тугие струи воздуха. Летчики прощально помахали многочисленным зрителям, и в следующий момент самолет, вздымая брызги воды, помчался по водному простору. И, когда он, развернувшись и набирая высоту, уносился вдаль, вслед ему летели дружественные слова:

— Попутного вам ветра! В добрый путь, «Страна Советов»!

Это было 12 сентября 1929 года. Не думал я тогда, что через одиннадцать лет мне доведется работать в магаданской авиации вместе с одним из участников этого перелета Дмитрием Виссарионовичем Фуфаевым.

В те давние годы он работал сначала бортмехаником, а затем командиром авиаподразделения. Он часто рассказывал о знаменитом перелете, вспоминая все новые подробности, показывал множество фотографий, на которых запечатлены события, связанные с перелетом.

Перелет Москва—Нью-Йорк был организован Осоавиахимом СССР для демонстрации достижений отечественного самолетостроения и мастерства советских летчиков. Тогда в стране было только два самолета «АНТ-4». Первый из них, названный «Страна Советов», стартовал из Москвы 8 августа 1929 года. В составе экипажа были пилоты С. А. Шестаков (командир) и Ф. Е. Болотов, бортмеханик Д. В. Фуфаев и штурман-радист Б. В. Стерлигов. Пролетев почти всю Сибирь, недалеко от Читы самолет потерпел аварию. От машины остались одни обломки, летчики отделались только легкими ушибами.

Казалось, перелет не состоится. Но экипаж забросал руководителей Осоавиахима телеграммами с просьбой дать им новый самолет. Им пошли навстречу. И вот 23 августа они

снова стартовали из Москвы на новом самолете «Страна Советов» — по тому же маршруту и с тем же составом экипажа.

На пути преодолены многочисленные трудности: и высокий облачный Урал, и хмурая туманная Сибирь. Вот, наконец, Хабаровск.

Сменены моторы. Вместо колес — поплавки. Около семи тысяч километров пройдены за 45 часов 25 минут со средней скоростью 150 километров в час.

И снова в путь.

В Николаевск-на-Амуре прибыли в тот же день — 12 сентября, а 18 сентября преодолели еще один из труднейших участков: самолет прошел по прямой через бушующее Охотское море, горные хребты и непогоду к самому краю советской земли — Камчатке. Плавный разворот над Авачинской бухтой. Красивая посадка на воду. А на берегу их уже ждал народ. Это было подлинным народным праздником. Все дома города украсились флагами. На митинге, который состоялся тут же, на берегу, говорили о делах и планах камчатской пятилетки, об огромных социалистических преобразованиях и строительстве не только на Камчатке, но и в самых отдаленных районах Северо-Востока. На Чукотку в Анадырь завезены первые трактора. На далеком Уэлене, у чукчей, построена первая культбаза. Работают десятки национальных сельских Советов. Дети ламутов, коряков и чукчей живут в школьных интернатах. И каждый из выступающих говорит о перелете, как об одном из славных дел первой пятилетки.

Командир самолета Семен Александрович Шестаков, сдерживая волнение, рассказывает о своем перелете, об огромной ответственности перед Родиной, которую они несут на крыльях «Страны Советов». Экипаж не намечал точного срока прилета в Нью-Йорк, ибо путь впереди был полон неожиданностей.

— Но мы уверены, — говорил Шестаков, — что преодолеем предстоящие трудности. Мы заявляем вам, товарищи, что приложим все свои силы, чтобы выполнить задание народа с честью. Для этого напряжена вся наша воля, каждый мускул...

В многоголосом «Ура!» потонули последние слова летчика...

Когда выдался погожий день, «Страна Советов» из Петропавловска-Камчатского сделала бросок через океан на остров Атту, а затем в Дэйч-Харбор на острове Уналашка — самом западном из Алеутских островов.

За два этапа пройдено свыше 2500 километров. Перелет через Тихий океан по этому маршруту был совершен впервые за всю историю авиации, причем в суровую, бурную

Перед приходом «Ракеты» прошел пограничный наряд. На плечах — новенькие автоматы, на поводке — матерая овчарка. Ребятишки не без зависти проводили ее глазами.

Вот в устье Зеи показался сахарно-белый силуэт «Ракеты». Пассажиры поспешили на дебаркадер.

— Мелка нынче вода, — говорит один.

— Мелеет река, — вздыхает другой.

— А все почему? Потому, что много леса вырубил в верховьях. Да еще пожары. На той стороне каждую весну леса горят.

— При чем тут леса?

— При том леса, что влагу регулируют и расходуют постепенно. Даже, когда ливни пройдут, не дают воде сразу в реки скатиться. А на открытом месте что? День-два — и вся влага улетучится...

Пассажир, говоривший о влаге, оказался бывшим учителем. Сейчас он на пенсии, занимался любительским садоводством и пчеловодством, а ехал куда-то за вошиной. Мы уселись с ним у правого борта и, когда судно отчалило и с реактивным грохотом устремилось вниз по реке, какое-то время молчали, наблюдая чужой берег. Потом разговорились.

Позади уже были и Хэйхэ, и Благовещенск, и Айгуньсунь, и теперь за Амуром серели ветхие соломенные крыши китайской деревушки.

Давно плавая по Амуру, я видел много китайских береговых поселений. Все они на один манер. Гуменно-серые, приземистые мазанки, плетенки, избышки с драночными или соломенными крышами.

Мой попутчик сказал, что раньше эти китайские берега были совсем дики и пустынно...

Пока мы так рассуждали со старым учителем, «Ракета» проскочила земли Ивановского, Тамбовского районов и вошла в пределы Константиновского. На судне прохладно, но, судя по тому, как играло марево на островах и песчаных отмелях, как недвижно торчали цапли на обмелевших протоках, день разгорался солнечный и тихий.

В Константиновке, сойдя на берег, я сразу почувствовал, какой жаркий выдался день. До этого все никак не было настоящего тепла, а тут вдруг подвалило. Было как-то особенно тихо, а может, мне так показалось после гула «Ракеты». Тополя, черемухи, молодые березы и ильмы, росшие вокруг огородов и вдоль улиц, сильно блестели чуть ужавшейся листвой. И очень сильно пахло и этой листвой, и молодой травой. Выводки утят и гусят уже дремали в тени, а молодой жирный боровок с головой зарылся в грязь придорожной канавы. А было всего-то одиннадцать часов!

Улицей, ведущей с берега к центру, надо было идти не меньше двадцати минут. Я шел и все дивился тому, как много появилось новых, из белого силикатного кирпича зданий. Раньше тут белело два кирпичных зданьца — райкома партии да жилой дом, в котором была когда-то и моя комнатка. Теперь эти здания были не первыми. Иные строения гляделись выше их и внушительней.

Когда в районном производственном управлении сельского хозяйства я спросил насчет строительства, Валентин Васильевич Левченко, начальник управления, назвал мне такое число по-

строенных и строящихся объектов, что я, не надеясь на память, вынужден был все это долго записывать. И это было приятно, как приятно и то, что Валентин Васильевич — совсем еще молодой человек, а руководил уже довольно-таки крупным делом. Он назвал по памяти множество цифр, имен, характерных деталей и событий из прошлого и настоящего района. Вообще я считаю отрадным тот факт, что многие руководители колхозов, совхозов, начальники производственных управлений, главные специалисты, работники районного и областного масштаба — недавние выпускники Благовещенского сельскохозяйственного института. Все это молодой еще народ, свои кадры, отлично знающие специфику приамурского земледелия. Некоторые из моих сокурсников и из тех, которые вышли из стен института позже, защитили диссертации, занимаются научной работой, преподают в институтах.

— Лучше всего, пожалуй, своим глазом посмотреть, как мы тут строимся, — сказал Валентин Васильевич.

Конечно, это было лучше. Мы сели в «газик». Начали с базы «Межколхозстроя». Это принципиально новая строительная организация, базы которой учреждаются сейчас во всех районах на паевых началах колхозов. Будущая мощность константиновской базы — освоить три миллиона рублей в год. Нынче она, правда, еще не вступит в строй полностью, но уже произведет строительных работ на миллион рублей. Сейчас штат этой организации — около ста инженеров, техников, рабочих, механизаторов. Со временем будет до трех—четыре сотен человек. Бульдозеры, скреперы, подъемные краны, самосвалы, трелеры, экскаваторы и другая мощная техника — вот что будет применяться на строительстве.

При базе уже построено несколько жилых домов для специалистов и рабочих. Весь комплекс составит целый поселок.

Едем дальше.

— А тут у нас будет средняя школа. Старая хотя и вместительная, но уже не устраивает.

Для новой школы пока заложен фундамент. Будет четыре корпуса, то есть комплекс строений школы-интерната со всеми службами. Школа рассчитана на 1100 учащихся.

Впрочем, в Константиновке уже действует школа-интернат, но рассчитана она на детей со слабым здоровьем, прибывающих сюда из разных районов.

Строятся двухэтажный дом связи, двухэтажный универмаг, административное здание райкома партии, здание дома Советов, три общежития, несколько шестнадцатиквартирных домов, десятки двухквартирных, новые склады райпотребсоюза и заготзерна, гараж при «Сельхозтехнике» и столовая. Ну, а то, что я видел по пути с берега, — это здания сельскохозяйственного профессионального училища, его общежитие и столовая, жилые дома, детский сад и административное здание местного колхоза. Все это построено совсем недавно.

— Видите ли, — объясняет Валентин Васильевич, — наш район был слит с Тамбовским. Недавно только разъединились. Ну, а своя рубашка ближе к телу. Все в Тамбовке да и в Тамбовке строили.

приполярную осень. Через Берингово море самолет шел в сплошном тумане. Над Уналашкой «Страна Советов» в течение двух часов отчаянно боролась с бурей и проливным дождем. Далее поворот на юг, к Ситке. Но тут, в трехстах километрах от берега, отказал один мотор. Самолет, теряя высоту до бреющего, упорно тянул к берегу и наконец опустился в бухте Ситки. И, словно в награду за перенесенное, из шлюпки, подошедшей к самолету, летчики слышат русскую речь. В былые времена Ситка звалась Ново-Архангельском и была столицей русских владений в Америке. Так летчики оказались в гостях у православного священника. Хозяйка-попадья угостила их отменным борщом, блинами и чаем из огромного тульского самовара.

После ремонта двигателя 13 октября «Страна Советов» прибыла в американский город Сиэтл — конечный пункт водного маршрута. Из Сиэтла, где поплавки снова сменили на колеса, самолет направился в Сан-Франциско. Здесь советским летчикам в знак уважения к их Родине вручили ключи от города. В Чикаго, куда затем прибыл самолет, огромная толпа смяла оцепление, забросала наших летчиков цветами, подняла их и на руках понесла по городу.

Впереди Нью-Йорк...

На необъятном летном поле «Кортис-Фильд» собрались многотысячные толпы людей, которые прибыли специальными поездами и автомашинами, чтобы встретить советских летчиков. Воздушный эскорт подвел «Страну Советов» к посадочной полосе и ушел ввысь. Самолет величаво покатился по полю. Как шумная бурливая река в половодье, сметая полицейские цепи, восторженная масса народа хлынула к месту остановки самолета. Яркая, незабываемая картина! Красные флажки с надписью: «Добро пожаловать, «Страна Советов»! виднелись в руке почти каждого из встречающих. Эти красные остроконечные полоски слились в сплошное красное полотнище, реявшее над толпой. Громко раздавались многоголосое «ура» и возгласы «Да здравствует Страна Советов!» Один из членов экипажа поднял красный флаг, чтобы водрузить его на самолете. Люди пришли в неистовый восторг. К летчикам устремились представители бесчисленных рабочих организаций, многие с огромными букетами красных роз. Но не всем удается пожать руку дорогим гостям, вручить им цветы. Толпа налегает все плотней и плотней. Это, должно быть, и побудило летчиков пройти в ангар и оттуда, поднявшись на крышу, приветствовать со-

бравшихся. Люди плотной стеной окружили ангар и запели «Интернационал».

Так встречали «Страну Советов» простые люди Америки. Громадно значение этого перелета: он сблизил рабочих Америки с трудящимися Советского Союза и наглядно показывал, чего могут достигнуть трудящиеся, взявшие свою судьбу в собственные руки. Всюду в США создавались организации общества «Друзей Советского Союза». Иначе отнеслись к летчикам правительственные органы и официальные лица США. Капиталистическая пресса писала о перелете скупно, старалась преуменьшить значение перелета. Но, как ни искажался в печати смысл перелета «Страны Советов», тысячи американцев собственными глазами увидели советскую авиационную технику. В образе гигантской стальной птицы, пролетевшей через три материка и Тихий океан, предстал перед ними Советский Союз в канун двенадцатилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции.

2 ноября 1929 года С. А. Шестаков выступил с речью по радио.

— От имени экипажа «Страны Советов», — говорил он, — я рад приветствовать своих слушателей. Я доволен, что на мою долю выпала честь совершить первый рейс по будущему воздушному пути Москва — Нью-Йорк. Наш перелет, начатый 23 августа и закончившийся 1 ноября, имеет протяженность 21 242 километра, которые преодолены за 141 час 45 минут. Из них над океаном мы пролетели 8 030 километров. Наш перелет совершался осенью, когда в Сибири уже холода, в океане — штормы и на большей части пути — дожди и туманы. Тяготы пути, однако, забывались, благодаря огромному вниманию к нам советских людей, а в конце пути — дружелюбию, теплоте и сердечности американского народа.

Не обошлось и без курьезов. Самолет «Страна Советов» долго не могли втащить в ангар Нью-Йоркского аэропорта: слишком мал был вход для могучих крыльев советского гиганта. В то время это был самый большой самолет в мире.

П. ГОРШУНОВ.

Правда, Тамбовка сейчас смотрится уже городком. А здесь, в Константиновке, как бы наверстывают упущенное. Там и тут маячат подъемные краны.

Секретарь райкома, — кстати, тоже молодой человек, — Александр Степанович Серебряков, с которым мы встретились накоротке, сказал, что в районе строят повсеместно и много. В колхозе «Родина», например, в последнее время построены Дом культуры на 400 мест, четырехэтажный жилой дом со всеми услугами, административное здание (на верхнем этаже — контора, сельсовет, зал для различных занятий, на нижнем — столовая и гостиница). Построены коровник на 300 голов, овощехранилище на 600 тонн, ремонтная мастерская, здание детсада. В стадии строительства находятся школа-десятилетка на 320 учащихся и зерновой склад на 3200 тонн.

В колхозе «Вперед к коммунизму» построены школа на 320 мест, три типовых коровника, здание детсада, Дом культуры, несколько двухквартирных домов и дом с коммунальными услугами на 16 квартир. Строятся мастерская, типовой коровник, торгово-бытовой центр.

Такой же размах строительства и в других хозяйствах. Только за два последних года построено четыре школы-десятилетки на 1250 мест, четыре Дома культуры. Повсюду теперь имеются детские сады, бани, столовые. Сейчас в районе строятся еще пять клубов и Домов культуры на полторы тысячи мест и четыре школы на 1140 мест. Строятся жилые дома и производственные объекты.

В разные годы наблюдались в селах те или иные перемены. Было время, когда упразднили МТС, и колхозники учились быть сами хозяевами земли, тракторов, сельхозмашин, транспорта, ремонтного оборудования. Не сразу и не всем поверилось в целесообразность передачи всей силы в руки колхозов. Жизнь подтвердила эту целесообразность. И вот бывшие «простые» колхозники быстро становились крупными мастерами машинного производства хлеба. Причем производился этот хлеб не любой ценой, как некогда бывало, а с хозяйским расчетом, с низкой себестоимостью и высокой прибылью. Да и земля — та же самая земля — стала рожать намного больше.

Было время, когда выдвигалось множество различных починов. Зарождались они и претворялись в жизнь чаще всего административным путем, а потому очень часто оказывались нежизненными. Наука и практика показали, что ко всяким починам в сельском хозяйстве следует относиться с осторожностью, ибо, прежде, чем взлететь, надо обрести не только крылья, но и еще кое-что. И мы наблюдали потом все большую связь науки с производством, все возрастающий авторитет специалистов, постоянное укрепление материальной базы.

В последнее время встали такие проблемы, как хозрасчет, рентабельность, прибыль. И, кажется, уже никто не сомневается, что хозрасчет есть средство, при помощи которого люди научатся хозяйствовать прибыльно, а продукция станет дешевле и лучше. Правда, кое-кому хозрасчет не по душе. Ведь нужно не просто руководить, не просто выполнять чьи-то указания («чего изволите»), а руководить во всеоружии экономи-

ческих знаний, надеясь, прежде всего, на свои собственные силы. И ответственность тоже больше. Вот эта ответственность и пугает кое-кого. Раньше, бывало, нажмешь, прикажешь, проработаешь и заставишь сделать к сроку то, что сверху велели. Теперь же нужно хорошо и грамотно думать. А то ничего не выйдет. И хозрасчет, стало быть, не только тем хорош, что учит хозяйствовать рентабельно, но и тем, что на место просто исполнителей да администраторов выдвигает деловых толковых людей.

Сегодняшние сельские приметы — это широко развернутое строительство. Те же подъемные краны, что возвышаются на городских кварталах, можно увидеть сейчас во многих селах. Те же здания, что в городе, белеют сейчас и на многих сельских улицах. Во многих селах есть водопровод.

Но, как и во всяком большом деле, не обходится без проблем. Тот же Валентин Васильевич, рассказывая о стройках, сокрушается:

— Понимаете, в колхозах есть деньги. Могли бы строить быстрее и лучше, а подрядчиков нехватка. Вот поедете к Мормолю, сами убедитесь.

И опять я сравниваю. Раньше, бывало, на колхозных собраниях дебатировали, как и где копейку достать, чтобы купить что-нибудь неотложное. Теперь деньги есть, да залеживаются.

Да, строителей большая нехватка. Пока не обрели полную силу строительные организации типа «Межколхозстрой», чуть ли не основным подрядчиком в колхозах выступает так называемый «Армянстрой». Бригады кочующих армянских строителей

работают здорово, ничего не скажешь. Но все же их строительство обходится довольно-таки дорого. И строят они больше только по таким проектам, по которым наиболее выгодно строить. Что ж, понять их можно. Коль работаешь, надо и зарабатывать.

Вызывает огорчение, что многие строения выглядят больно уж безлико и стандартно. Таков проект. И ни рубля больше на всякие там украшения и оформление.

Идем мы по улице с Валентином Васильевичем, и он показывает на один из двухквартирных домов.

— Глядите: что стоило бы чуть повыше поднять этот дом? И крышу бы покруче, да четырехскатную сделать. А то не поймешь, то ли склад, то ли гараж. А ведь жилой дом. И стоять будет долго. И, что называется, наводит скуку.

Лет через десять наверняка строить будут как-то иначе. Не просто жилье нужно, не просто административное здание, а как бы произведение искусства, чтобы глянул и душа порадовалась, чтобы настроение лучше сделалось. Думается, и в сельском строительстве совсем не лишне побольше заботиться о духовном удовлетворении человека. Во времена, когда гораздо меньше было возможностей, в городах появлялись здания с так называемыми «излишествами». Может, и вправду тогда это были излишества. Теперь вряд ли. Мы стали гораздо богаче, грамотней и опытней. А строимся, как известно, не на один год.

Мимо хорошего здания пройдешь, любуясь и оглядываясь на него. Удивляешься и гордишься умом, душой и руками человека-строителя: вот мы какие! Вот

ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩИ, БРАТЬЯ

В ДНИ, когда народы СССР и Монгольской Народной Республики отмечали тридцатилетие своей победы над японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол, на советском Дальнем Востоке в качестве гостей побывала большая группа монгольских писателей. В ее состав входили Д. Тарва — секретарь Правления Союза писателей Монголии и главный редактор литературного журнала «Цог», прозаики и поэты Б. Явуухулан, Д. Пурэвдорж, Д. Содномдорж, Д. Ням-аа, З. Сандагаа, Л. Чойжилсурэн, Н. Черияздан. Вместе с ними находился оператор монгольского кино О. Уртнасан. Такая представительная делегация писателей Монголии впервые посетила Советский Союз, не говоря уже о том, что никто из монгольских литераторов не бывал ранее на Дальнем Востоке.

В Хабаровском крае гости посетили завод «Амуркабель». Продукция этого заво-

да, наряду с другими странами, поставляется и в Монгольскую Народную Республику.

В обеденный перерыв на заводе состоялся митинг советско-монгольской дружбы. Здесь гостей встретили представители разных поколений рабочего класса. Ветеран предприятия скрутич В. С. Жадько участвовал в боях на Халхин-Голе. Он рассказал, как самоотверженно, вместе с советскими пехотинцами, танкистами и артиллеристами дрались против японских самураев монгольские цирики — кавалеристы.

От имени гостей на митинге выступил Д. Тарва. Он говорил о том, что основа дружбы монгольского и советского народов закладывалась Лениным и Сухэ-Батором. Эта дружба закалилась и выдержала испытание в огне. Разрушить ее не могут никакие силы.

Позднее, на дружеской беседе с писа-

как можем! И лучше можем. Ну, а если это не склад, не гараж? Пройдешь, не остановишься, ни о чем хорошем не подумаешь. А у чуткого человека еще и настроение испортится.

Красиво, со вкусом построенные дома смело можно отнести к числу наиболее сильных средств воспитания и агитации. Ведь воспитывать чувство прекрасного и любовь к родному краю эти дома будут не один год и не в одном поколении людей.

Через год-другой, возможно, встанет вопрос как-то «подвеселить», «подчепурить» унылые стандартные дома. И обойдется это, конечно, гораздо дороже, чем если бы делать все сразу, при строительстве.

Почти в каждом районе имеются сейчас сельскохозяйственные профессионально-технические училища. Готовят они и строителей. Но мастеров для художественного оформления зданий готовится явно маловато. Их обычно вызывают откуда-нибудь. Да и в городе их не хватает. Думается, неплохо, если бы их было побольше.

По утрам я видел, как по константиновским улицам шли на работу совсем юные строители в спецовках и легком трико. Молоденькие девушки, почти девочки, и такие же парнишки. Шли по-хозяйски, независимо, и мне хотелось узнать, чем продиктована эта их солидность. Потом, когда я увидел их на лесах почти уже готового здания, мне подумалось: да это ведь они построили! И каждый из них может сказать: «Вот этот дом я построил». И будет этот дом стоять очень долго, как и другие дома, построенные людьми старшего возраста.

Думается, что чувство, продиктованное сознанием личного созидания, — прекрасное чувство. Как было бы хорошо, если бы каждый человек еще на заре своей жизни почувствовал это. К сожалению, не редкость — люди, дожившие до двадцати лет и ничего не умеющие делать.

Как-то мы говорили со знакомым врачом. Сейчас, сказал он, наблюдается так называемое явление акселерации, то есть ускоренное физическое развитие юношей и девушек. Посмотришь: в четырнадцать лет — уже барышня. В пятнадцать — мужчина.

Он объяснял это тем, что человеческий организм обладает колоссальным резервом потенциальных возможностей. В плохих условиях этот резерв меньше сказывается, в хороших — больше или очень сильно. Теперешнее поколение живет гораздо лучше, чем предшествующее. Абсолютное большинство молодежи вообще не знает, что такое голод. Улучшились бытовые условия. Вот и наблюдается акселерация. В четырнадцать—пятнадцать лет зачастую наступает взрослость. Стало быть, и потребности взрослые.

Ну, а что же умеют делать эти «взрослые» люди? Ни душевной зрелости, ни жизненного опыта у них, конечно, еще нет. И начинаются конфликты с жизнью. И это естественно. Коль созрел человек физически и, как говорится, выиграла в нем силушка молодецкая, то нужен ей и объект, достойный применения. Но что порой наблюдается? Летом по городам и весям да по местам боевой и трудовой славы отцов маршируют с шумом и грохотом «мальчишки и девчонки» этак под два метра ростом... А их не такие уж

Встреча с хлебом-солью в поселке Хор

взрачные отцы и деды покачивают головами: «Такие большие, а не работают!..»

Явление акселерации, видимо, диктует гораздо большую трудовую занятость «взрослых детей», тем более, что повсеместно испытывается нехватка рабочих рук. Есть студенческие строительные отряды. А могло быть немало и школьных. Большая польза была бы!..

О разном говорили мы с Валентином Васильевичем. Как одно из достижений последнего времени, он отметил, что сейчас меньше стали «дергать». То есть все больше приживаются ленинские нормы в отношениях между руководством и подчиненными, все больше научного подхода в решении тех или иных вопросов.

— А то ведь стыд сказать, грех утаить...

Вспоминали мы, как догоняли рязанцев, как на совещаниях и заседаниях до инфарктов людей допекали, как иные со страху и служебного рвения до очковтирательства дошли.

А как же сказалась более здоровая, более деловая обстановка на показателях района непосредственно? Вот как выглядят урожайность зерновых и валовой сбор зерна начиная с 1961 года:

Годы	Урожайность в центнерах с гектара	Валовой сбор в тысячах тонн
1961	6	25
1962	6,7	27
1963	7	25
1964	9,7	29
1965	7,2	35
1966	11,4	43
1967	11,9	46
1968	18,6	70

телями города Хабаровска, руководитель монгольской делегации пожелал, чтобы в дальнейшем росла и крепла связь не только между литераторами, а и другими категориями творческих работников — художниками, артистами, композиторами МНР и советского Дальнего Востока. Желательно также наладить постоянную связь между литературными журналами «Цог» и «Дальний Восток». Все это поможет трудящимся обеих стран расширить представление друг о друге.

В Хабаровске монгольские товарищи посетили краеведческий музей, посмотрели лучшие фильмы Дальневосточной студии кинохроники.

Советско-монгольская дружба прочна и нерушима! Такими словами на монгольском и русском языках встретил гостей огромный кумачовый лозунг на фасаде Дома культуры поселка Хор района имени Лазо.

Здесь гостеприимные жители — представители совхозов, деревообделочного комбината и гидролизного завода — препод-

За первые четыре года средняя урожайность по району составила 6,8 центнера. За вторые четыре года она поднялась до 12,7 центнера в год в среднем, то есть возросла почти вдвое. Урожайность сои за это время возросла с 5,6 центнера до 7,8. Причем никаких особых дополнительных затрат не было, о чем свидетельствует снизившаяся себестоимость продукции. Соя в прошлом году, например, обошлась в 8 рублей 59 копеек на центнер. А государство покупает ее по цене 26 рублей за центнер. Пшеница обошлась в 5 рублей 23 копейки на центнер. Реализуется она по цене 12 рублей 50 копеек за центнер.

А вот денежные доходы района за последние три года. 1966 год — 10 миллионов 939 тысяч рублей. 1967 — 11 миллионов 835 тысяч. 1968 год — 12 миллионов 420 тысяч. В начале десятилетия ежегодный доход по району был почти вдвое ниже.

«Меньше дергали» — это значит не диктовали ни сроки, ни способы сева, ни нормы высева, как это бывало в прошлом. Все сами. И, не затратив лишних средств, получали каждый год миллионы рублей дохода дополнительно. Вот что дает инициатива и опыт, если они под тем или иным предлогом не урезаются.

В одно время норму высева сои довели до восьмидесяти—восьмидесяти пяти килограммов. Нечего, дескать, ценную продукцию в семена гнать. Достаточно и восьмидесяти килограммов. Но что же вышло? Вышел самый низкий урожай... И без того соя редковатая взошла, да еще, как того требуют агроправила, ее проборонили до и после всходов. Поля, что назы-

несли монгольским друзьям каравай свежее испеченного хлеба с солью.

В концерте, посвященном советско-монгольской дружбе, приняли участие удэгейские самодеятельные артисты. Узнав о прибытии гостей из социалистической Монголии, жители таежного села Гвасюги специально спустились вниз по реке на своих лодках-оморочках.

После Хабаровского края монгольские литераторы посетили советское Приморье. Им довелось побывать на пограничной земле, беседовать с пограничниками заставы имени Героя Советского Союза старшего лейтенанта И. И. Стрельникова. Советские пограничники сердечно и тепло приняли монгольских друзей, проявивших большой интерес к жизни и быту воинов. Со взволнованной речью выступил Д. Гарва, рассказавший о совместных боях советских и монгольских воинов против японских захватчиков на Халхин-Голе. — Мы кровные братья в борьбе! — сказал в заключение монгольский писатель.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

вается, лысыми сделались. Потом эти лысины оккупировал сорняк и еще не один год засорял поля. А ведь было вроде бы даже благое указание — побережь, не трать зря семена.

Сейчас сою высевают из расчета центнер и более на гектар. Специалисты говорят, что если бы избавиться от сорняков окончательно, то по хорошим землям сою можно бы высевать и сплошным способом, обходиться без культивации и получать двойные урожаи за счет лишь двойной нормы посева. Кстати, и норму посева пшеницы в последнее время значительно увеличили. Получилась только польза.

Что касается техники, то она постоянно улучшалась и обновлялась. Но лишние машины колхозы не берут. Зачем? Чтобы зря простаивали? Приобретают сейчас, в основном, хорошо показавшие себя новые машины. Скажем трактор «К-300» берут с удовольствием. Эту мощную, с хорошей проходимостью машину можно использовать круглый год. На пахоте два—три плуга тянет, а по дороге ходит со скоростью до тридцати километров в час и целый состав прицепных телег везет. За раз средний вагон угля перевозит.

Но поскольку перевозки, особенно связанные со строительством, все возрастают, то как в районном автохозяйстве, так и в колхозах еще испытывается нужда в автотранспорте.

И в производственном управлении, и в колхозах слышал я жалобы на то, что до сих пор нет специальных соевых машин. Скажем, чайный лист собирать или хлопок — дело очень сложное, а вот изобретены и успешно применяются машины. Сою же убирают по старинке теми же зерновыми комбайнами, на ходу переоборудованными для этой цели.

— Не понимаю, в чем дело, — удивляется Валентин Васильевич. — Который уж год требуем эти машины. А их все нет.

Приходится приспособлять зерновые комбайны. И как тут ни крути, неизбежны брак, потери, задержки, лишняя трата средств и времени. Культиваторы тоже приходится приспособлять к сое.

И еще одна, может быть, самая важная задача, которую предстоит еще решить не только в районе, но и в целом по области — устройство полей и севооборотов. О севооборотах говорят давно. Никто не отрицает их великого значения. Их знали еще наши прадеды. Когда под флагом борьбы с травопольщиками нарушили севообороты, то снизились не только сборы зерна, но и его качество. Справедливость восторжествовала, травопольщики реабилитированы, и наряду с пропашной системой успешно развивается и травопольная.

Но у нас на Амуре своя особенность, которая продиктована соей. Соя — выгодная культура, и потому в структуре

посевных площадей она одно время занимала чуть ли не половину пашен. Другая половина оставалась для зерновых, кукурузы, картофеля и овощей. Как же при таком положении наладить чередование, чтобы избежать повторных посевов одной и той же культуры на одном и том же поле? Как соблюсти разумный плодосмен? Дело доходило до простейшего чередования — после зерновых высевали сою, после сои — зерновые. Вот и весь севооборот. Двухполка. Но если как предшественники эти культуры взаимовыгодны, то борьба с сорняками сводится почти на нет. Почему? Потому, что сою убирают поздно, иной раз по мерзлоте. Если иногда и удастся после уборки взлущить или перепахать соевища на зябь, то сорняки при этом не провоцируются, уничтожается только небольшая часть уже проросших. А на будущий год весной это поле идет под зерновые, чаще — пшеницу. А пшеницу сеют рано, когда еще сорняки «спят». И вот вместе с пшеницей прорастает несметное количество семян сорняков. Правда, посевы пшеницы сейчас обрабатываются гербицидами. Но это, как уже доказано, палка о двух концах. Растения, в том числе и хлебные злаки, способны аккумулировать различные яды, которые затем попадают в организм человека, животных и птиц и, конечно же, влияют отнюдь не благотворно. По-умному, по-человечески нужны не химические меры борьбы, а чисто агротехнические. Так будет гуманнее и по отношению к человеку и по отношению к природе.

Недавно я слышал жалобы рыболовов. Вот, мол, летают сейчас самолеты, разбрасывают всякие удобрения и химикаты. Чуть не так залетел или не так ветер подул, как все это попадает в водоемы. Да и с полей, когда дожди идут, все это смывается и течет в реки и озера. И рыба гибнет. Все меньше становится рыбы. Нынче в некоторых степных озерах весь карась вверх брюхом всплыл. Для пчел и других насекомых, которые опыляют растения и тем урожайность повышают, все эти яды тоже, конечно, не мед.

Но вернемся к севооборотам. После пшеницы и других зерновых, по сложившейся схеме, следует высевать сою. Соя, казалось бы, попадает в более выгодные условия, чем зерновые, высеянные после сои. Но и тут мало разницы. Хотя соя и высевается по зяби и ее посеву предшествует весенняя борьба с сорняками, но, пока она растет, из нижних слоев почвы прорастают все новые полчища сорняковых семян, которые накопились в течение многих лет, благодаря той же сое. Получается порочный круг. Борьба с сорняком ежегодно остается проблемой номер один. Нужен не просто севооборот, а хороший севооборот, как наиболее верное (и гуманное) средство борьбы с сорняком. Нужны чистые пары на большей площади, чем это имеется сейчас.

Но пока что чистых паров не так уж

много. Оставляя их побаиваются. И на местах побаиваются и вверху: как бы с увеличением площади под чистым паром не снизился «вал». Выход как будто бы найден в том, что площадь чистого пара будет расширяться постепенно, по мере освоения новых земель. А пока... пусть засоряются поля, пусть применяются гербициды и гибнет живность.

Но расширять посевные площади можно далеко не в каждом районе. В Константиновском районе, например, давно уж нет новых земель. Все, что можно распахать, распахали. Даже для скота пастбищ не хватает. Это один из тех районов, повышение плодородия полей которого может быть достигнуто лишь за счет очень высокой культуры земледелия.

Как же быть? Думается, что жизнь уже продиктовала свое решение. Надо скорее наладить именно тот севооборот, который бы обеспечил и борьбу с сорняком и повышение плодородия. А без чистого пара в полной мере тут не обойтись.

Есть еще одна проблема — проблема специализации. Говорят о ней так же много и давно, как и о севооборотах. Есть различные точки зрения. Как лучше специализировать? Есть сторонники внутрихозяйственной специализации. Одно отделение, скажем, занимается производством одной продукции, второе — другой, третье — третьей. Но в таком случае хозяйство в целом остается тем же многоотраслевым. Руководителям и специалистам приходится думать обо всем сразу, то есть догонять нескольких зайцев. Есть сторонники специализации хозяйства целиком на какой-нибудь одной отрасли, скажем — производстве сои. И, наконец, есть сторонники специализации в масштабе района и даже области.

Видимо, каждая точка зрения имеет свое рациональное зерно. Но, если речь вести действительно о специализации, то масштабная специализация, наверно, больше отвечала бы требованиям этой проблемы. На этом сходятся многие. В этом случае легче разработать единую технологию индустриального типа, интересам которой подчинялись бы специальные заводы, мастерские, местная промышленность. В таком случае было бы точнее планирование, меньше путаницы с заявками, сбытом и так далее. Словом, при специализации в крупных масштабах образуется своеобразная корпорация, имеющая в распоряжении все необходимое для максимального производства продукции. Но пока что специализировано несколько хозяйств или отделений на всю область. В Константиновском районе, по существу, не специализировано еще ни одно хозяйство, и отнюдь не по вине руководителей района и колхозов. Без утверждения свыше специализация пока не имеет права на жизнь. Думается, что и в этом деле пора бы побольше доверять непосредственно самим хозяевам.

Константиновский район — наиболее кол-

хозный район и наиболее характерный для Приамурья, что отчасти и определило цель моей поездки. В других районах либо сплошь совхозы, либо в большинстве совхозы. Например, Благовещенский ныне — полностью совхозный район. В прошлом совхозы почти сплошь были убыточными. Колхозы же с самого начала своего существования, особенно после реорганизации МТС, по существу жили на хозрасчете, на своей копейке. Может быть, поэтому колхозники научились хозяйствовать лучше. Об убытках в колхозах давно уж не слышно. Хозрасчет всегда заставлял побольше думать, взвешивать, советоваться. И не случайно, конечно, и совхозы переводятся сейчас на полный хозяйственный расчет. И, когда этот расчет наберет полную силу, разницы между колхозом и совхозом останется, видимо, совсем немного.

Издавна в Константиновском районе привлекал внимание колхоз «Амур», переименованный теперь в колхоз «Родина». Издавна же председательствует там Михаил Давыдович Мормоль.

В Благовещенске, изредка встречая знакомых константиновцев, я спрашивался: как там Михаил Давыдович? И все отвечали одинаково. Ну, он-то, мол, держит марку. Он-то — известное дело! Спрашивал я это потому, что в самом начале своей газетной деятельности писал о нем очерк и кое-кто не был со мной согласен. Некоторые считали его как бы «несовременным» председателем. Вот, мол, пройдет немного времени, жизнь потребует иных председателей, и его заменят. Теперь мне приятно сознавать, что я не ошибся. Он и тогда был самым современным. Правда, не умел да и не стремился поэффектнее показать свои достижения, как это умели другие. Потому, видимо, и был «несовременным».

По приезде на работу в Константиновский район мне не сразу довелось познакомиться с Михаилом Давыдовичем. Обычно мне говорили: Мормоль подождет, у него дела потерпят, надо помочь другим председателям. Так прошло, кажется, с месяца или больше. Потом он позвонил сам. Не пора ли, мол, навестить, посмотреть наше хозяйство, подсказать кое-что. Это словечко «подсказать» придумано было явно не им, хотя и он не прочь был иногда прибедниться. Потом он сам «заглянул» в инспекцию и оказался таким добрым русым молодцом. Высок, плечист, молод, ядрен, с веселым симпатичным лицом, в котором, как и в голосе, проступало что-то слегка мальчишечье. А я-то, по рассказам других, представлял его таким прижимистым мужичком, таким хитрецом, себе на уме. Нет. Это был очень трезвый, может быть, даже прозорливый человек с ясными серыми, цепкими, почти пронзительными глазами. Он был не транжир, не мот. Не пил, не курил, на людях держался с какой-то застенчивой улыбкой и вообще стеснялся многолюдья. На совещаниях выступал без громких слов и обещаний и немного прибедняясь. «Несовременный».

Когда я приехал знакомиться с его хозяйством, никакой особой помощи с моей стороны там, оказывается, не требовалось. Просто надо было написать акт на выбраковку тех самых коров, которые молока не давали, а планом обложены были. И еще велели этих коров держать до отчетного срока, чтобы «головы» были для плана. А пока они живут до отчета, сколько зря корму изведут и труда стребуют. Тогда на такую выбраковку шли не все председатели, ибо «транжирить» скот строго запрещалось. Зато с хозяйственной точки зрения держать лишних «дармоедов» совсем было невыгодно. А накопилось их к тому времени порядочно.

Позже почти в любом деле я наблюдал у Мормоля этот хозяйский трезвый расчет. И еще — я всегда удивлялся, как он умел считать. В уме. Бывало, специалисты составят ему промфинплан по всем правилам экономической и бухгалтерской науки, а он то с тем, то с этим не согласится. Тут лишние затраты. Тут слишком хорошо, тут маловато. Пройдет год, и видишь: прав человек.

В ту пору бытовала так называемая кампанейщина. Выдвигались почины и новшества, требовавшие немедленного претворения в жизнь. Ловкие председатели, что называется, на лету подхватывали все это, а «несовременный» Михаил Давыдович «тянул резину» до тех пор, пока стопроцентно не убеждался — стоит овчинка выделки или нет. И тогда либо категорически отказывался, либо «внедрял», да так, что обязательно польза была, и ездили к нему на экскурсии учиться, между прочим, и те, которые первыми подхватывали почины.

Конечно, кое-что Михаил Давыдович и «зжимал». Иначе говоря, не распространялся насчет своих «новшеств». Однажды собрали председателей в производственное управление посоветоваться. Так, мол, и так, совершенно точно установлено, что существующие нормы высева пшеницы малы и следует их значительно увеличить. И назвали норму. Тут встает Михаил Давыдович и горячо поддерживает:

— Правильно. Давно пора. Мы у себя такую норму издавна применяем. И урожай всегда хороший, сами знаете.

— Как?! И молчали до сих пор?!

— Так нельзя же было говорить. За превышение нормы высева строго наказывали. И не дали бы так сеять.

Но почему все-таки никто не узнал раньше? Потому что Мормоль всегда выполнял и, если требовалось, перевыполнял планы хлебопоставок. И осенью к нему не слали уполномоченных вытрясти еще что-нибудь, в том числе и за счет семян. Семена не перевешивали, и, следовательно, не обнаруживалось, что семян засыпано больше, чем требовалось по предписаниям.

И еще с Михаилом Давыдовичем чуть ли не каждый год приключалась одна и та же история. Весной он сеял вопреки всяким графикам и предписаниям, то есть по своему. Его вызывали на бюро, накачи-

вали, страшали. В итоге за весну и лето доставалось ему по разным линиям немало выговоров. Но вот приходила осень, и все видели, что урожай у Мормоля наилучший, что именно он выручит район по хлебопоставке. Спрашивают его: сколько сдать можешь?

— Да если поднатужиться, полтора плана, пожалуй, дадим.

— Хорошо. А больше можешь?

— Больше не могу.

Долго торгуется Михаил Давыдович. Ведь в хозяйстве у него свои расчеты. То на корм, то на продажу, то на семена. Нажим, однако, все усиливается. И, смотришь, выжали и полтора, и два, и два с половиной плана. Но предел, обычно, заранее намечал все-таки он. Когда дело доходило до предела, тут уж он был тверже скалы. Нет — и точка. А нажимать дальше и тем более наказывать уже не было ни оснований, ни прав. Ведь и так человек отличился. И семена перевешивать нет предлога. И не перевешивали. Так или иначе, осенью Михаил Давыдович слыл передовым. А раз передовой, то надо в члены районного бюро избрать. Но как же избежешь его, если выговоров полно? Что это за член бюро? И тогда, как с человека исправившегося, предварительно снимали с него выговора и в члены бюро избирали без единого выговора и совершенно единогласно. На следующий год все повторялось. И все это в общем-то делалось «для проформы». И сам Мормоль знал это, и другие председатели, и районные руководители. И, встречаясь, шутки шутили, бывало.

Думается, у каждого председателя, который проработал лет пятнадцать и побольше думал своей головой, таких историй наберется немало. И у Михаила Давыдовича их достаточно. Да сам он про это не рассказывает: «Такое положение было».

Помню, как-то сидели мы с Михаилом Давыдовичем после работы в его старой конторе. За эту контору его упрекали все, кому не лень. Такой, мол, богатый колхоз, а контора захудалая. И я намекнул на то же.

— Я же не могу решать единолично, — сказал он. — Вот решат колхозники, тогда другое дело... От хорошей конторы трудодни дороже не станут.

И еще мы тогда говорили про землю, и он сказал вот что:

— Сейчас все на новые земли надеются. Целина выручит, целина спасет. Конечно, новая земля в первые годы лучше родит. А дальше?.. Вот у нас в колхозе давным-давно уж нет новых земель. Все старые. А урожай берем не хуже, чем у целинников.

Я усомнился. А он объяснил:

— На старые земли жалуются: старые они, выработанные, засоренные, не родят ничего. А почему? Ведь старые-то земли должны быть и чище и плодородней новых, потому что мы к ним каждый год руки прикладываем.

Верно. Старые земли должны быть чище и культурней. Такова логика земледелия. И урожаи должны давать лучше. Ведь столько лет мы прикладываем к ним руки! Но на них жалуются, и многие стараются распахать что-нибудь, в том числе даже луга и пастбища. А через год-другой и они становятся засоренными и не очень-то плодородными.

Это лишний раз доказывает, что нужен севооборот. Хватит хищничать. В «Родине» все земли старые, все, что можно было распахать, давно уж распахано. И вот прошло еще десять лет, и земли, стало быть, еще более постарели. А урожай? Не снизился урожай, а повысился. Вот как он выглядит за последние четыре года: 1965 год — 7,3 центнера с гектара. (Это был очень неблагоприятный год). 1966 — 13,9. 1967 — 14,4. 1968 — 20,8 центнера с гектара.

Соя все эти годы держится на одном и том же уровне в пределах 9—11 центнеров. К ней тут всегда относились со знанием дела.

Так что же происходит со старыми землями в колхозе «Родина»? Ничего особенного. Просто осенью да весной побольше сорняка уничтожить стараются. Чем же? Не гербицидами ли? Нет. Хорошей пахотой, лущением, бороньбой, уборкой вовремя. Да чистым паром не пренебрегают, да семена держат посуше и почище, да про удобрения не забывают. И земля не вырабатывается, не стареет. Да она и не должна стареть. Существует элементарный круговорот. Семена созревают и могут быть изъяты, а корневища и стебли перегнивают и дают питательную силу новому поколению. Да если еще строго плодосмен соблюдать, так и вовсе не оскудеет земля. Только плохие хозяева могут ссылаться на «закон убывающего плодородия». У полей колхоза «Родина» хозяева хорошие и постоянные. Звеньевые и бригадиры. Никакой обезлички.

— Передайте поклон Якову Михайловичу Одноконю, — сказал Михаил Давыдович, когда мы ездили посевам осматривать. Ведь это все его пшеничка. Вот кому Героя-то дать надо!

И пшеничка и другие посева были очень хороши. Кстати, и в других хозяйствах в этом году виды на урожай хорошие.

— Эх, теперь бы дождя! Пока-то еще терпим. А если еще дней десять не будет дождя?.. И вечно мы зависим от небесной канцелярии. И не ошибись, все вовремя сотвори. А, Ленья?..

Это он обращался к молодому агроному колхоза Леониду Крошко. Председатель и агроном как раз в «газик» садились, когда я появился. Прихватили и меня.

Ленья, или Леонид Яковлевич, должно быть, немного стеснялся нового человека.

А может, его успели уже напугать газетчики, обычно гораздые на преувеличения и украшательства. Ленья больше помалкивал да на посева посматривал.

А «газик» в буквальном смысле кружил

по полям, потому что с поля на поле прямо не проедешь. Меж полями, как это свойственно для Приамурья, тянутся падюшки с водой, кочками, цаплями и лягушками. Проскочит машина падюшку и остановится. Новое поле. Там кукуруза, тут ячмень, здесь пшеница или соя.

— Да ведь хорошая! Зря говорили, что редкая.

— Нормальная. Вот только бы рядки не выдрали...

А как раз шла культивация сои. А культиваторы не специальные соевые, а переоборудованные, приспособленные. Хорошо надо отрегулировать их, чтобы рядки не портить, и водить трактор надо мастерски.

Тут Михаил Давыдович, как и начальник производственного управления, тоже помянул недобрым словом конструкторов, которые до сих пор не сделали специальных соевых машин.

С полей открывался широкий обзор. Хорошо было видно, как там и тут пылили трактора и снующие по дорогам машины. Там, где поля были уже прокультивированы, они казались как бы разлинованными темными линиями, между ними тянулись ровные зеленые строчки: соевые рядки, вобравшие труд, сноровку и опыт пахаря. Другие поля изумрудно светились зеленью, а над ними встреч ветру скользили белокрылые луны. В понижениях, подобно призрачным озерам, колыхалось и тянулось к небу жаркое марево. Иногда оптический обман от него был настолько велик, что дальние села казались парящими в воздухе.

— Ах, как влага-то летит! Это же сколько ее в воздух уходит! Тысячи тонн!

Понимаю председателя, понимаю молчаливую озабоченность агронома. И мне почему-то неудобно ходить за ними. И я не хожу. Стую у обочины и слышу, как говорят они на своем хлебоборобском языке:

— ...Должна бы хорошо сыпать.

— Должна бы.

Это они про сою.

— Не присушило бы только...

Садимся в машину и едем дальше.

— Понимаешь, Ленья, — говорит председатель, — вот на этом поле мы однажды заборонили всходы пшеницы. Очень удачно вышло, как раз под дождик! Хлеба было!.. А в другой раз промазали. Понимаешь, проборонили, а погода как раз сухая пошла. И погубили пшеничку-то. Тут нормальная стоит, а тут как отрезало, — желтенькая, махонькая, обиженная. Так что и хорошее дело не всегда хорошо выходит. Иметь бы нам с тобой, Ленья, точный прогноз погоды! Вот тогда бы да!..

Замечаю, что в нынешних разговорах у Михаила Давыдовича погуще стало специальной агрономической терминологии. Это понятно. В последнее время председателей довольно часто и основательно подучивали в связи с хозрасчетом и другими важными проблемами.

А вообще Михаил Давыдович — коренной

тутошный, амурский. Вырос здесь же, в Ново-Петровке, где сейчас центральная усадьба колхоза. Учился в школе. До конца не доучился — трудно жилось, работать пошел. Потом служба в армии, потом война. Закончил ее Михаил Давыдович в городе Фусане. Дома застал разорение и бедность. Мужиков в колхозе почти не осталось. В доме — голые стены. Мать в одной юбке и дома, и на работе, и в люди выйти. Сначала не знал, куда приткнуться. Продавцом был одно время. Потом в колхоз пошел. Работал, а на трудодни ничего не получал. Все вручную работали. Раньше хоть лошади были справные. А когда войска через Амур на японца шли, своих лошадок колхозу оставили, а колхозных в пушки запрягли. Война есть война. Да не прижились пришлые мелкорослые лошадки, попадали. Такие были дела.

Так рассказывал мне Михаил Давыдович про изначальное свое житье-бытье, когда я работал в Константиновском районе.

— Все тут я помню. И меня все знают. Председателей тоже помню. — Тут он прикинул по косточке на счетах. Одиннадцать председателей насчиталось. А он, стало быть, двенадцатый. (Сейчас по продолжительности председательский стаж у него получается больше, чем у всех тех одиннадцати).

Конечно, не обойден Михаил Давыдович и вниманием. Не однажды был поощрен и награжден, в том числе орденом Трудового Красного Знамени.

— ...Так не забудь передать поклон Якову Михайловичу, — напомнил он, когда мы с поля вернулись. — Ты тут ходи, смотри, спрашивай, если что интересоваться будет, а мы на совещание съездим. Вызывают в район чего-то.

Мне не пришлось лично передать поклон Якову Михайловичу, автору прекрасных сортов амурской пшеницы, которая сейчас завоевала почти все поля. Но думаю, что эти строчки прочтет и он, и поклон таким образом будет передан.

Десятки лет проработал Яков Михайлович на земле амурской. Был просто агрономом, агрономом-селекционером, воевал с фашистами, опять селекционировал, был главным агрономом сельхозуправления, ректором сельхозинститута. Но главное — селекционировал. И вот амурские хлебобобы уже который год засевают поля семенами выведенной им пшеницы. И в том, что в последнее время значительно повысился урожай, немалая заслуга и Якова Михайловича Одноконя. Его амурские сорта устойчивы к полеганию, не поддаются ржавчине и пыльной головне, дают полноценный колос. Поклон Якову Михайловичу!

Опять я хожу по Ново-Петровке. Бывало, она радовала меня добротностью строений, радиоприемниками в каждом доме и хорошей мебелью, удивляла множеством мотоциклов, вызывала гордость за работающий народ. Теперь я вижу тут и строения городского типа. В центре села возвышается четырехэтажный дом. Михаил Давыдо-

вич говорил, что дом этот сделал заметный поворот в сознании колхозника. Сначала-то вроде бы никто не хотел жить в нем. Сказывалась давняя привычка к своему огороду, сараю, погребу, ограде. Но вот один попробовал пожить, второй, третий, и вдруг за одни сутки весь дом заселили. Даже шум был, что не всем желающим квартиры достались.

— Так я же вас сколько агитировал! — смеялся председатель. — А теперь еще не довольны.

И сейчас многие шумят. Требуют еще строить такие же дома.

— А построить у нас есть полная возможность, — говорит Михаил Давыдович, — да подрядчика никак найти не можем. Ведь кого попало на это дело не наймешь. Надо хорошо построить.

Валентин Васильевич Левченко о том же говорил. Есть возможность. На счету у Мормоля всегда лежит не меньше миллиона рублей свободных денег. Да подрядчика найти не может.

А поворот в сознании, действительно, произошел. К вечеру каждого дня житель дома пользуется горячей водой. Душ, ванная. Пришел с работы, помылся, переоделся, и горожанином человек смотрится, тем более, что одеть-обуть есть чего. Дважды в неделю по всему дню горячая вода. Это когда домохозяйки стирают и когда банные дни. И магазин тут же.

Возле дома видел я парней и девушек, весьма похожих на горожан. Были даже «мини-юбки» и крашеные ногти. Словом, бытовые условия, может быть, гораздо успешнее сближают город с деревней, чем все прочие средства.

Из окна двухэтажного здания конторы, построенной тоже недавно, видна старая, теперь уже совсем просевшая конторка. Домик с четырехскатной крышей, напоминающий давно слежавшийся стог. Его немного жаль. Так он стар и приземист и так высоко над ним светятся сейчас окна председательского кабинета, которого раньше Михаил Давыдович, кажется, стеснялся и без совета с колхозниками приобретать не решался. И вообще наиболее характерная черта у председателя — это советность. Ведь на то и Советская власть.

Самое красивое здание в Ново-Петровке — Дом культуры. Даже в городе не часто встретишь такое. То ли сам Михаил Давыдович проявил такой вкус, то ли посоветовался.

Завклубом — его еще не утвердили директором Дома культуры, — молодой симпатичный парень, открыл двери и позволил мне осмотреть зрительный зал, фойе, сцену, убранство. Легкие современные кресла поблескивали лаком, светящийся желтизной паркет источал освежающий запах мастики, дорогие портьеры полуприкрывали окна, вместительная сцена, пригодная для больших концертов, ждала театралов, певцов, танцоров.

— Недавно тут у нас московские артисты выступали, — сказал заведующий. —

Очень им понравился наш Дом культуры.

Потом он посетовал:

— Понимаете, сначала народ охотно шел сюда. Хор организовали, в другие села выступать ездили. А теперь даже в кино редко сюда ходят, хотя и стационарная у нас киноустановка, и зрительный зал не хуже городского... Видите, лес какой!

Он имел в виду высоченный частокол телеантенн. Вся Ново-Петровка буквально ошетибилась антеннами. Кажется, нет двора, где бы не было телевизора. Благовещенская телевышка далековато отсюда. Потому и пришлось антенны поднять повыше.

Для сетований у заведующего, конечно, имеются основания. Но проблема тут, видимо, в другом. В колхозных Домах культуры сейчас не просто самодеятельность нужна, не просто заведующие и директора, а нужно настоящее искусство, настоящие артисты и специалисты своего дела. И те, кто не ходит сейчас в Дом культуры, по-своему правы. Ведь они каждый день имеют возможность посмотреть более высокое и более разнообразное искусство у себя дома по телевизору. Вообще время такое, калорийность духовной пищи на сценах Домов культуры и клубов должна значительно быть выше.

Конечно, для того, чтобы культура и искусство нашли в селе более благодатную почву, нужны еще и еще материальные затраты. Хормейстеры, танцмейстеры, дирижеры и режиссеры не могут довольствоваться тем, что сейчас платят в селах людям этой категории. Завклубом, он же организатор и руководитель всяческой куль-

туры, получает чуть побольше, чем уборщица. Директор Дома культуры получает несколько больше, но значительно меньше, чем любой механизатор. Отсюда текучка, запущенность или бездеятельность сельских очагов культуры. Конечно, один колхоз не может содержать нескольких мастеров культурного дела, да и работы им на полную нагрузку не найдется. Видимо, нужны разъездные специалисты.

Напоследок была беседа с главным бухгалтером колхоза Иваном Семеновичем Сорокиным. Насчет заработка. Он взял отчеты, полистал и назвал цифры.

— Вот, пожалуйста. Средний заработок за год: у механизатора — 2493 рубля. У шофера — 1894 рубля. У работника фермы — 1754 рубля. У рабочих на конно-ручных работах в среднем — 772 рубля. Главные специалисты получают ежемесячный оклад в 200 рублей, средние — 176 рублей. Вот так... Это, конечно, без всяких премиальных за перевыполнение плана. А план мы всегда перевыполняем. Ну и подсобное хозяйство у каждого.

Так живет сейчас один из колхозов Константиновского района. Что касается будущего, то председатель планирует оба села — Ново-Петровку и Войково слить воедино, то есть войковцев переселить в Ново-Петровку. Пусть будет одно село. В нем будут большие дома со всеми удобствами, будет административный и бытовой центр, Дом культуры, школа-десятилетка. Зачем в обоих селах строить одно и то же, когда можно в одном месте построить, да так, чтобы расчет на дальнейшее будущее был. А на месте Войково пусть бу-

Ученый селекционер Яков Михайлович Одноконь

дет бригада и бригадное оборудование. На работу же ездить сейчас не проблема. Транспорта достаточно.

...Когда я уезжал из Константиновки и когда автобус бежал по самому верху степного увала, сразу виделось несколько

сел. В каждом из них, как стаи птиц, белели новые силикатные дома и другие строения. И степь, покрытая яркими зелеными, от сахарной белизны новых строений казалась такой ухоженной, прибранной и праздничной...

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ:

Окончание первой книги романа Андрея Алдана-Семенова «КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ» (вторая книга будет опубликована в 1970 году).

«НОВОГОДНИЙ РАССКАЗ» Валерия Шульжика.

ДЛЯ ДЕТЕЙ: «Рассказы подводника» Олега Мятелкова.

СТИХИ Осипа Колычева, Вячеслава Сукачева, Елены Жилкиной. Записки капитана-полярника Б. Конева «НА ЗАПАД СКВОЗЬ ЛЬДЫ», о первом в истории Арктики сквозном транспортном рейсе из Владивостока в Мурманск.

ОЧЕРКИ: М. Ханух «Павлюков, который сомневается» и Б. Лапузина «С чего начинается Родина».